

ЫБЫЙ ДЕ

СЕРГЕЙ ЛЕДОВСКИХ

Сергей Ледовских

Рыбный День

«Автор»

2026

Ледовских С.

Рыбный День / С. Ледовских — «Автор», 2026

В сборник вошли две повести. Рыбный день. В причудливом мире Континь-де-Компостело назревает апокалиптический кризис. Королевство, раздираемое социальными бурями, оказывается на пороге неизбежного конца. В центре событий — причудливый калейдоскоп персонажей: от амбициозной мадам Атлантики до загадочного Федотова, наблюдающего за катастрофой с циничным спокойствием. Повесть представляет собой остроумную антиутопию, где за фасадом фарса скрываются глубокие размышления о природе власти, революции и человеческой природы. Деловой. Фантастическая повесть рассказывает историю необычного существа — делового по имени Самсон, который тайно проживает на техническом чердаке офисного здания. Параллельно развивается сюжетная линия о взаимоотношениях героя с сотрудницей офиса, которая обнаруживает его тайну. Произведение представляет собой оригинальное сочетание офисной комедии, фэнтези и философской притчи. Повесть будет интересна тем, кто ценит необычные литературные концепции.

© Ледовских С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Ледовских

Рыбный День

РЫБНЫЙ ДЕНЬ

I

В мусорном баке, у которого по недосмотру оставлена открытой крышка, вечер наступает не менее обворожительно, чем в любом другом месте. Так же становится мягче небо над крышами, с такой же усталостью в вышине пролетают галки, так же успокаивающе действует отдалённый шелест остывающего города. Так же легко думается, так же тихо вздыхается, так же плавно мечтается.

Вы спросите, кому в грязном баке все эти краски и звуки вечера, все эти мысли и вздохи могут быть интересны? Вот не скажите — вполне могут быть небезразличны, и вы буквально через несколько секунд сможете в этом убедиться. По вечерам, после интенсивной дневной утилизации, атмосфера в контейнере для отходов может быть очень и очень эмоциональной.

В этот вечер именно с эмоций всё и началось.

— Чёрт знает что такое! — воскликнула прима-горбушка от буханки Рижского, потревожив своим возгласом обитателей контейнера.

Тут нужно пояснить, что горбушки бывают двух видов. Примы — это те, которые отрезаются от буханки в самом начале — аккуратно и торжественно. Эти горбушки обычно самоуверенны, заносчивы и очень высокого о себе мнения, при этом вспыльчивы и неуравновешенны. Есть ещё последыши — горбушки, которые остаются после того, как от буханки отрезают последний кусок. Последыши обычно получаются мелкими, несимметричными и несимпатичными, то есть, что уж осталось, то осталось. Последыши страдают комплексом неполноценности, они часто грустны и неразговорчивы.

И вот в этот вечер Прима буханки Рижского первой взяла слово. Повторимся:

— Чёрт знает что такое! — воскликнула Прима. — Как?! Как в культурном обществе возможно подобное обращение?! Меня так красиво отрезали, так церемонно намазали маслом, — горбушка всхлипнула, — а потом ... потом просто уронили, наступили и выбросили.

— Да-а, — вяло подхватила горбушка-последыш от той же буханки, — тебя хоть намазали, а на меня вообще внимания не обратили, смахнули со стола в совок и до свидания!

— Что ты понимаешь! — хлюпнула ещё раз Прима. — Ты хотя бы чиста и невинна, а я сижу как дура, намазанная маслом, без будущего и надежд.

— Дорогуша, вы, когда падали со стола, упали маслом вниз или наоборот? — этот вопрос задала Приме анчоусная селёдка «Атлантика», намертво прилипшая к стенке контейнера и поэтому пережившая уже не один десяток циклов вывоза мусора. От вынужденного долготорчания в баке у неё накопился значительный запас житейской мудрости.

— Какая разница! — удивилась вопросу Прима. — Маслом вниз, конечно — вниз.

— Вот и напрасно, — пояснила селёдка. — Вы упали по давно заведённому правилу, и вас утилизировали. Нужно было сгруппироваться в полёте и постараться упасть маслом вверх, вас бы заметили и оценили. А так, вы имеете то, что имеете.

— Вас отвергли внезапно, случайно — на пике славы и любования, это не так уж и плохо, поверьте, — с грустью обратилась к Приме потемневшая, потерявшая форму груша сорта «Вильямс». — Я лежала на стеллаже для фруктов в своей собственной лунке, полуобёрнутая в тончайшую папиросную бумагу, нежилась в ярком сиянии светильников, мои розоватые бока лоснились от их слепящих лучей и играли всеми мыслимыми оттенками спелости.

— Что за ерунда!? Кончайте базар и давайте спать! — недовольным хором прокричали просроченные свиные сосиски из белоснежного когда-то лотка, плотно обёрнутого полиэтиленовой плёнкой. — Крышка контейнера нараспашку! Будет вам сейчас Кошачий Глаз!

— Ах! Кошачий Глаз, Кошачий Глаз! — в синхронном ужасе запричитали говяжки фрикадельки «Гарибальди», упакованные в полупрозрачное корытце. — Бойтесь Кошачьего Глаза! Он несёт смерть! Смерть!

— Закроет кто-нибудь крышку бака или нет?! — завизжали в общей нарастающей панике куриные бёдрышки «Бройлер-натураль». — Мы же натуральный продукт! Нас любой котяра слопаёт в первую очередь! Караул!

— Миссис Вильямс, не слушайте это тухлое мясо, — обратилась к груше селёдка. — Продолжайте.

— Ах, мадам Атлантика, меня совершенно сбили с темы, — занервничала груша. — Этот бестолковый кошачий глаз. Не понимаю, кому он может быть интересен?

— Он-то никому не интересен! — заорала на Вильямс котлета по-киевски откуда-то из дальнего угла контейнера. — И вы ему, душечка, нафиг не интересны! Потому что вы гнилой компост, навоз и больше ничего! А мы! А нам!..

— Ш-ш-ш! — Атлантика бросила на Киевлянку уничтожающий взгляд. — Помолчали бы лучше! И давайте без ненорматива. Повежливей.

— Да, и вот лежу я в лунке, купаюсь в лучах надежды, — продолжила Вильямс. Прима, услышав слово «надежда» всхлипнула — всхлипывать было её страстью, она это делала и за себя, и часто за других, если требовала ситуация.

— Разве это уже не слава? — вставила вопрос Последыш.

— О, нет, что вы! Слава — это когда вас выбирают, прикасаются осторожно к вам мягкими пальцами, прислушиваются к аромату. Некоторые гурманы даже осмеливаются поцеловать в бочок!

— Ой, да что вы! — Последыш смутилась и покраснела, но этого никто не заметил. — И наступает слава! Да?

— Вы опять ошибаетесь, триумф наступает, когда вас несут на кассу. Если же вас кладут на место, кладут небрежно, вздохнув или хмыкнув, то накатывает тревога, от которой недалеко до глубокого разочарования.

— Если кладут на место глубоко вздохнув, то это совсем не так плохо, — возразила Атлантика, — это может значить, что вы кому-то просто не по карману, вы есть высший класс, недостижимый сюрприз.

— Возможно, — согласилась Вильямс, — но я очень мнительна, и когда меня постоянно возвращали на место, я сильно нервничала. Мои подруги одна за одной в лучах признания уплывали к кассе, а я лежала и постепенно залёживалась. Ужасно.

— Догадываюсь, что было дальше, — умиротворяюще отозвалась Атлантика. — Если вам трудно продолжать, то мы не будем настаивать.

— Я закончу, — Вильямс помолчала, собираясь с мыслями. — В одно утро меня уценили...

Прима прерывисто вздохнула за миссис Вильямс и сжалась в ожидании продолжения.

— Вы знаете, что это такое, когда тебя уценивают? — миссис Вильямс вопросительно и скорбно огляделась вокруг.

— О-о-о! Мы-то знаем, что это такое! — заворочались, заворчали свиные сосиски. — Это значит, что у вас ещё есть шанс попасть на кассу, но уже без оркестра, без ваших дурацких лучей славы. Какая разница?

— Как женщина, я вас не совсем понимаю! Вам, получается, просто хочется туда, к выходу, проскочить — хоть тушкой, хоть полуфабрикатом, а мне нужны праздник, признание, победа, без истерик насчёт этого вашего кошачьего сглаза.

— Глаза, чёрт возьми! Глаза! — Киевлянка в углу закашлялась от своего же крика и умолкла.

— Глаза, да, — миролюбиво ответила миссис Вильямс. — Я хотела, чтоб на меня положили глаз, этот ваш кошачий или какой угодно, чтобы заметили, полюбили в конце концов.

— Взяли за черенок и отнесли к венцу, — задумчиво добавила Атлантика. — Скажите, дорогуша, у вас разве *касса* — это венец всего?

— Называйте вещи, как вам нравится, — немного рассердилась на это замечание миссис Вильямс. — Вы, как и я, туда не попали, поэтому...

— Я-то как раз туда попала, — перебила её Атлантика, — неплохой был момент, думаю, но я его не видела. Нас отсканировали группой. Для меня венец всего наступил, когда нашу банку вскрыли и вся моя анчоусная толпа дружно вышла из анабиоза. Я полагаю, подобный момент вскрытия гораздо ярче и значительней всей этой вашей «кассы».

— Ну что ж, у каждого своя судьба, — согласилась Вильямс. — Вы были на кассе, вас отсканировали, ни разу не уценивали, но, знаете, нынешнее ваше положение немного портит общую картину вашей биографии. Хотя у вас опыт и прочее.

— Судьба, — задумчиво произнесла госпожа Атлантика, пытаясь покачать головой, забыв про свою вынужденную неподвижность. — Моя судьба — это четверг.

— Почему четверг? — удивилась Последыш.

— Рыбный день, — пояснила селёдка. — Пройдёт дождичек, наступит четверг, я разомкну, размякну и... и отклеюсь от этой проклятой стенки. Сегодня как раз четверг.

— Да, — заметила Прима, — но не было дождичка.

— Что с того? — усмехнулась госпожа Атлантика. — Есть ещё одно условие удачи кроме дождичка и четверга.

— Открытая крышка контейнера, — подсказала Киевлянка.

— Вот именно, — подтвердила селёдка. — Четверги в моём случае приходят с завидной регулярностью; вообще, четверг — это в данном случае всего лишь символ, талисман. Дождички тоже случаются, но к нему неплохо бы ещё приложить открытую крышку контейнера, и её, к сожалению, почти всегда плотно закрывают. Сегодня просто так выпало — и четверг, и крышка... Вот только дождичек, — Атлантика выразительно подняла слезящиеся глаза к небу. Прима всхлипнула.

— Дайте мне закончить, — напомнила о себе миссис Вильямс.

Пластиковый стаканчик невнятного содержания, с крышечкой, прежде безучастно внимавший всей этой вечерней дискуссии, вдруг тяжело поднялся. От смены положения его сильно закачало, движения его напоминали какой-то волнообразный угасающий танец.

— Послушайте, — негромко начал он.

— Позвольте же мне закончить, — ещё раз попросила миссис Вильямс и тут же заговорила значительно и взволнованно: — Самое ужасное в моей истории — это то, что...

— Послушайте, время не терпит, — упрямо повторил пластиковый стаканчик.

— Да тише вы! — невежливо оборвала его Прима. — Дайте же даме закончить.

— Дело хозяйское, — успокоился Стаканчик и опять прилёг. — В ваших измерениях я вечен, мне не очень понятны ваши бранные дела. Я просто хотел помочь. Но так и быть, умолкаю.

Из угла контейнера стал слышен негромкий и влажный храп Киевлянки. Миссис Вильямс приняла строгую и при этом довольно эмоциональную позу (у отвергнутых обществом груш сорта «Вильямс» это обычно хорошо получается) и продолжила.

— Меня уценивали шесть раз! — воскликнула она. — Кого-нибудь из вас всех присутствующих, — она драматически обвела взглядом внутренности мусорного бака, — осмеливались уценивать хотя бы два раза?! Да что там два раза! Один раз — уже испытание. Но шесть раз — это Голгофа, круги ада! Я стойко несла свой крест!

Прима здесь хотела всхлипнуть, но поняла, что логичнее разрыдаться, иначе оратор может обидеться.

— Шесть раз, — негромко повторил заклинание пластиковый стаканчик, вновь тяжело поднимаясь и балансируя от какой-то непонятной ноши. — Всё-таки позвольте мне сказать.

— Да как вы можете! — сорвалась на него миссис Вильямс и, обессилив от эмоций, залилась слезами.

— Ну-ну, извините, — смущённо бормотал Стаканчик, странно волнуясь, волнуясь в прямом и переносном смысле. Его усердно качала из стороны в сторону какая-то неведомая сила, он, казалось, начинал переходить в состояние неясного возбуждения, несмотря на свою неживую, бесстрастную сущность. — Выслушайте же, прошу вас!

— Пропади всё пропадом, — продолжала рыдать груша, но уже менее убедительно.

— Говорите, дорогуша, — благосклонно обратилась к нему селёдка. — Уже и вы нас заинтриговали.

— Благодарю вас, — сказал волнующийся Стаканчик. — Вы не пожалеете, ей богу!

— Да начинайте же! — призвала Прима, изрядно подуставшая от своих всхлипов.

— Вы рассуждали, дорогая мадам Атлантика, что-то насчёт пятницы, дождичка и открытой крышки контейнера.

— Четверга, — подсказала селёдка.

— Да, конечно. Но я вас уверяю, что четверг — дело пустое, по четвергам даже на кофе не положены скидки, и его плохо раскупают. Впрочем, я с уважением отношусь к вашим культурным традициям. Пусть будет по-вашему, я не возражаю.

— Кофе? При чём здесь кофе? — в глазах у госпожи Атлантики появились искорки интереса.

— Ха! — просто ответил стаканчик. — Дождичек, крышка, четверг! Все эти понятия очень просто размениваются на стаканчик кофе, хорошего крепкого кофе, который ещё не остыл там у меня внутри, — он хитро и озорно подмигнул селёдке и добавил: — Хотите плесну вам? Вернее, пардон, плесну на вас! Окачу вас всю от головы до присохшего хвоста! Кофе ещё совсем тёплый. Какой-то олигарх, извините за выражение, другого слова не могу подобрать, купил его сегодня за полную цену без скидки и, едва пригубив, выбросил в мусор. Крышечка сидит плотно, я полон сил и кофе! Воспользуйтесь же случаем, мадам Атлантика! — Стаканчик обвёл взглядом окружающую его аудиторию и взволнованно попросил: — Только, пожалуйста, дамы и господа, кто в состоянии, дайте мне хороший подзатыльник, чтобы отскочила крышечка!

— Это с большим удовольствием! — неожиданно бодро воскликнула миссис Вильямс. — Все, кто верит в меня, вперёд!

Вся активная часть контейнера жизнерадостно набросилась на стаканчик и так его отмузила, что у того отскочила не только крышечка, но и стикер на боку. Затем произошло следующее: кто-то дружным хором некстати проскандировал «Долой Кошачий Глаз!», свиные сосиски, под напором эмоций прорвав плёнку, вывалились из лотка, а затем уже и почти вся мясомолочная половина бака, за исключением спящей бревном Киевлянки, в каком-то животном угаре, в иступлении, в едином порыве навалилась на упругое небренное тело Стаканчика, и почти ещё горячая кофейная масса разом выплеснулась из него на увядающую, иссохшую плоть госпожи Атлантики.

После этого в контейнере вдруг сразу стало тихо. Краски вечера сгушались, в небе над баком зажигались звёзды. Запыхавшиеся свиные сосиски, глядя на опустошённый, смятый, изуродованный стаканчик, тихо предположили:

— Мы его убили.

— Убили, — всхлипнула Прима и медленно отвела взгляд от места трагедии.

— Глупости, — вдруг произнёс изменившимся голосом лежащий ничком Стаканчик. — Я вечен в отличие от всех вас. Я просто стал другим, в каком-то смысле даже свободным, внутри меня переливалось то, что мне не принадлежало, но могло хоть кому-то принести пользу или хотя бы удовольствие. Теперь я однороден и естественен, — он усмехнулся. — Самое время начинать писать стихи.

Ещё не остыв от возбуждения, все перевели взгляд на госпожу Атлантику. Она продолжала висеть на стенке бака, но уже довольно вяло, была в состоянии двигать головой, её хвост провис и трепетал. Необходим был последний штрих.

— Позвольте мне! — воскликнула Последыш. Она по-горбушечьи скакнула, перекувырнулась, сгруппировалась в полёте и крепко шмякнулась о влажное туловище госпожи Атлантики. Селёдка вздрогнула всей своей маринованной плотью и повалилась навзничь...

— Как же хорошо, — через несколько мгновений сдержанно произнесла госпожа Атлантика, — могу вертеть головой, могу шлёпать хвостом. Какое высокое чувство свободы и равновесия! Совершенно русалочьи ощущения в теле. Что это, как не вторая молодость!

— С учётом вашего анабиоза, это, вероятно, уже третья молодость, — участливо подсказала мадам Вильямс.

— Пусть третья, я согласна, — глаза у госпожи Атлантики заискрились, заиграли, словно она пригубила шампанского из фужера. — Эх, что уж там, слушайте историю про ваш дурацкий Кошачий Глаз!

— Что?! — свиные сосиски, волнообразно извиваясь, подползли поближе, храп Киевлянки резко прекратился, фрикадельки от «Гарибальди» все во внимании улеглись в лотке в самых удобных живописных позах.

— Как? — беспредметно повторила вопрос Киевлянка, окончательно проснувшись.

— А вот так! — добродушно ответила госпожа Атлантика. — Уверю всю присутствующую здесь мясную секцию, что о Кошачьем Глазе вы знаете очень немного.

— Те, кто знал о нём больше нашего, уже давно не с нами, — справедливо высказалась Киевлянка.

— Верно, — госпожа Атлантика с удовольствием расправила своё начинённое специями тело и поиграла хвостом. — Вы будете удивлены, когда узнаете, что Глаз — это далеко не весь ужас предмета. Существует ещё Кошачий Ус!

— Ус, — заворуженно повторили все и придвинулись к рассказчице ещё ближе.

— Кошачий Коготь!

— Коготь! — в едином порыве возопила вся мясная секция.

— Но самое главное и самое страшное — это... — Селёдка замерла.

— Что!? — в нетерпении вскричали все.

— Самое страшное — это Кошачий Клык!

Небо над баком померкло, звёзды вспыхнули и затрепетали. Сосиски в панике ухватились за свой изорванный полиэтилен и опять плотно закутались в него. Самая маленькая говяжья фрикаделька из лотка «Гарибальди» от ужаса пукнула, впрочем, негромко.

— Да закройте же кто-нибудь эту проклятую крышку! Сил нет! — завопила Киевлянка и глубже забилась в угол контейнера.

— И вы лично познали все четыре круга этого ада? — довольно невозмутимо уточнила мадам Вильямс посреди общего мясного психоза.

— Все четыре, — спокойно подтвердила госпожа Атлантика. — Меня спасли три вещи.

— Какие же? — с осторожным любопытством поинтересовались те из мясной секции, кто уже успел прийти в себя.

— Маринад, специи и... — госпожа Атлантика хитро прищурилась.

— Ну! — застыла в нетерпении Киевлянка.

— И четверг, — закончила селёдка и рассмеялась. — Это случилось в четверг, в день недели, когда нас бережёт рыбий ангел. По мере, конечно, возможностей.

— Тьфу ты! — Киевлянка нервно хохотнула, — Дался вам ваш рыбный день.

— Не знаю, не знаю, — госпожа Атлантика по-русалочьи повела хвостом. — Сегодня, например, я получила свободу. Это о многом говорит.

— Ох, не заснём теперь с этой крышкой нараспашку, — полуфабрикаты опасно закопошились, готовясь ко сну.

— Да, кстати! — обратилась к груше Киевлянка, укладываясь в своём углу на покой. — Я хочу извиниться перед вами за сегодняшнее.

— Это вы про «компост» что ли? — уточнила госпожа Атлантика.

— Да-да, и за «навоз». Мы все от имени, так сказать, коллектива, просим у вас прощения, — подхватили сосиски слова Киевлянки. — Умоляем нас извинить!

— Ничего, пустяки, — просто ответила миссис Вильямс, потупившись.

— Вы сегодня необычайно мне помогли, спасли меня, я всех вас благодарю! — добавила Атлантика. — Спокойной ночи.

В окружающем контейнер мире начали тускнеть и гаснуть огни окон и витрин — это чувствовалось по усиливающейся черноте и густоте разрастающегося ввысь и сливающегося с космосом неба. Госпожа Атлантика никак не могла свыкнуться со своим вольным состоянием, сон не шёл, хотелось движения, активности и даже полёта. Она призвала дремлющих Приму, Последыш и миссис Вильямс поближе к своему свободному от оков телу, и они устроились компактной группой на импровизированном пригорке из мусора неподалёку от края контейнера.

— Взгляните на эту ночь! — издалека начала селёдка.

— Слишком широко, — поёжилась Прима. — У меня от этой распахнутости начинается агорафобия. Она стала беспокоить после того, как меня отрезали от буханки.

— *Что* начинается? — удивилась Последыш.

— Простор её пугает, — пояснила миссис Вильямс и с некоторой мечтательностью в голосе поведала «хозяйке бала»: — Вы знаете, госпожа Атлантика, меня не покидает ощущение, что всё это ещё не конец.

— Уточните, — попросила Атлантика.

— Вот эти символы ваши, талисманы: четверг, который ещё не ушёл, распахнутая крышка, это небо, хоть и без дождичка, в конце концов, благоприятное, как мне кажется, расположение звёзд над нами ...

— Я поняла, — перебила грушу селёдка. — Дорогуша, когда вас называли «компостом», вы очень обиделись?

— Я не уверена, — откровенно призналась миссис Вильямс. — Меня покоробил эпитет «навоз», но на «компост» я почему-то не обиделась. Я плохо разбираюсь в терминах, особенно после того, как у меня началась моя агорафобия.

— И у вас агорафобия?! — сильно удивилась Прима.

— Да-да, представьте, — груша печально улыбнулась. — Когда меня сняли с ветки плотного с густой листвой грушевого дерева и после долгих манипуляций выставили на продажу, на всеобщий обзор, я пришла в ужас, я чувствовала себя словно на сцене в свете софитов, паника просто началась. Это позже я стала жаждать признания и успеха, а вначале была просто в шоке от этого спектакля и себя в главной роли...

— Мы отвлеклись, — Атлантика в каком-то нетерпении повела головой. — Я спрашивала о компосте. Вы догадываетесь, что это такое? Что это слово олицетворяет?

— Смутно, — сознались её собеседницы нестройным хором.

— Компост — это символ, — туманно выразилась селёдка.

— Как четверг? — робко уточнила Последыш.

— Гораздо лучше четверга, — уверенно заявила Атлантика. — Символ продолжения жизни, ещё одна попытка выйти на дорогу к славе.

— Неужели! — миссис Вильямс вспыхнула тем розоватым цветом, который она почти уже потеряла после шести уценок и последующего изгнания.

— Именно так, — голос госпожи Атлантики окреп. — Компост — это залог нашей будущности в следующем агросезоне.

— Что-что? — забеспокоились «студентки», явно не въехавшие в слова «преподавателя». — В каком сезоне?

— Короче, — оборвала всех селёдка, — вы хотите стать юными и красивыми, признанными и оценёнными? — И снова добавила: — В следующем агросезоне.

— Ой, ну конечно же! Конечно! — почти закричали «студентки».

— Так вот знайте же, — возвестила госпожа Атлантика, — что нас с вами по недосмотру выбросили совсем не в тот контейнер. А должны были в другой, что рядом с нашим, с голубой крышкой, — селёдка указывающим жестом мотнула головой. — Вот из того бака посылают на компост. А мы с вами сейчас сидим, образно говоря, в психушке, где все пациенты, не представляя, что с ними станет завтра, лезут на стену от одного упоминания о кошачьем глазе ...

— Ой! Мы хотим! Хотим на компост! — загалдели все и повскакивали со своих мест.

— Тогда слушайте меня, что нужно сделать, — селёдка понизила голос и подняла глаза к распахнутому небу. — Мы должны подобраться вот по этой насыпи поближе к краю бака, разбежаться и выпрыгнуть наружу...

— Наружу!?! — в глазах Примы заиграла паника.

— Да! Да! В открытый космос! — грубо съязвила селёдка. — Вас ведь уже роняли со стола намазанной маслом, на вас наступали, и вы прекрасно это пережили! Поэтому слушайте, — госпожа Атлантика перешла на шёпот...

Этот шёпот был неслышим снаружи, большой и тёмный мир жил своей собственной жизнью. Охранник Федотов из ресторана «Рассольников» вышел на заднее крыльцо, чтобы получить глоток свежего воздуха и заодно покурить. Затянувшись сигаретой в третий раз, он заметил, что крышка одного из мусорных контейнеров распахнута настежь. Федотов был ответственным и грамотным работником, начальство ценило его и уважало — это была, наверное, ещё не слава, но уже признание. Так полагал Федотов. Поэтому, обнаружив беспорядок, он, затушив сигарету, незамедлительно подошёл к вышеобозначенному контейнеру и плотно закрыл крышку.

II

Закрытие крышки ещё не означает закрытие темы. Никогда нельзя списывать со счетов четверг раньше, чем он сам не иссякнет естественным образом. Зачем рассчитывать на следующий, если текущий ещё не закончился? Четверг имеет такую привычку — раз уж он доставил вам какое-нибудь удовольствие, то затем непременно будет стараться для вас до самой полуночи.

Федотов, закончив с крышкой, заметил под ногами нечто сумбурное, хаотичную россыпь неких пищевых остатков. Он недовольно покачал головой и удалился, намереваясь исправить и это безобразие.

— Все целы? — госпожа Атлантика лежала, оглядывая выпрыгнувшую из бака компанию.

— Мы в порядке, не в первый раз, опыт уже есть, — в один голос заявили Прима и Последыш.

— Я много раз видела, как груши падают с дерева, — отозвалась миссис Вильямс, — но никогда не думала, что это так некомфортно.

— А я немного ушиблась, но сейчас, кажется, уже пришла в себя, — знакомым голосом ответил кто-то неожиданный, незамеченный основной десантной группой.

— Пани Киевлянка! — воскликнула обомлевшая селёдка, — А вы как здесь очутились?

— Все побежали, и я побежала. Угол закрывающейся крышки просвистел у самого моего бока. Ещё чуть-чуть, и от меня осталось бы полкотлеты.

— Дорогая пани, вы с ума сошли! — госпожа Атлантика сделала большие глаза, — Вас сейчас вернут обратно в контейнер для общих отходов — вы для компостной ямы не подходите по статусу. Но мы, конечно, можем попытаться провести вас нелегально.

— Давайте, я её накрою собой, — предложила Прима, — лягу на неё маслом вниз, проскочим дуэтом.

— Ш-ш-ш, — оборвала её селёдка, — Ной возвращается. Поступайте, как знаете.

— Кто возвращается? — шёпотом спросила Последыш.

— Спаситель. Сейчас он закинет всех нас в правильный ковчег — с голубой крышкой. Я этого парня уже давно заметила, он всегда поступает добросовестно.

Федотов явился в садовых перчатках с совком, аккуратно собрал мусор в лопатку и, открыв небесно-голубую крышку контейнера для пищевых отходов, одним махом закинул туда всех беглянок.

Внутри контейнера было волшебное, по одной из его стенок разливалось голубоватое мерцающее сияние. Вероятно, между крышкой и основанием бака существовал зазор, и через него проникал извне переменчивый свет от электронного рекламного щита. Некоторое время беглянки молча лежали в своих сумбурных позах, любясь захватывающими переливами красок, наслаждаясь царящей окрест пасторальной тишиной. Их покой прервало появление группы сырых картофелин в строгих мундирах, то есть, можно было сказать, что картофелины просто были в коже, если бы не следы от лезвий картофелечистки на их округлых боках. Следы эти по формам были подобны лацканам, карманам и даже погонам, надрез на коже у самой важной из картофелин напоминал аксельбант. Некоторое время картофелины строго и молча рассматривали новичков, затем носитель аксельбанта, вероятно, самый старший из них по званию, заговорил:

— Разрешите представиться — аксельбант-майор Крудо Патато. Добро пожаловать в Контин-де-Компостело. Кто из вас возглавляет группу?

— Руководитель здесь я, — откликнулась госпожа Атлантика и назвала своё имя.

— Очень хорошо, — учтивым тоном произнёс майор Патато. — Госпожа Атлантика, пожалуйста, представьте нам каждого члена вашей группы, укажите его сословие и статус. И попросите всех прибывших принять вертикальное положение для тщательной идентификации.

Госпожа Атлантика приняла требуемую позу и начала предъявлять чиновнику своих подопечных. Представляемые, когда до них доходила очередь, исполняли для аксельбант-майора едва различимый реверанс.

— Миссис Вильямс — груша элитарного сорта, списанный продукт.

— Госпожа Прима — горбушка ржаная, отрезанный ломоть.

— Мадемуазель Последыш — горбушка ржаная, остаточный продукт.

— Пани Киевлянка — котлета вегетарианская, продукт с истёкшим сроком годности.

— Вегетарианская, так-так, — майор Патато подозрительно повёл носом, принюхиваясь. — Я полагаю, что с пани Киевлянкой у нас будет отдельная беседа. Госпожа Атлантика, укажите теперь ваше сословие и статус.

— Сельдь Атлантическая, отверженный продукт.

Было заметно, что, услышав слово «сельдь», картофельная команда пришла в странное замешательство, чиновники переглянулись, затем аксельбант-майор отозвал весь персонал в

сторонку, и там они, энергично жестикулируя, принялись шёпотом о чём-то спорить. Наконец стало ясно, что чиновники пришли к некоему согласию. Майор Патато отделился от команды и почтительно приблизился к селёдке, вежливым жестом приглашая её к доверительной беседе.

— Госпожа Атлантика, — Крудо Патато говорил, находясь уже в позе почтительного поклона, — являясь, как вы сказали, «сельдью», можете ли вы иметь какое-то отношение к монархическому роду?

Мудрость и опыт, накопленные селёдкой, позволили ей скрыть своё удивление и даже оторопь после слов аксельбант-майора.

— Мы все в нашей жизни многое можем, и ко многому имеем отношение, господин Патато, — дипломатично ответила селёдка. — Однако разъясните, пожалуйста, причину вашего вопроса.

— Дело в том, госпожа Атлантика, — вещал чиновник, — что, как вы знаете, мудрым и справедливым правителем Контин-де-Компостело является наш всеславный монарх, Его Величество Сельдереи 18-й. И ваш сословный титул «Сельдь» недвусмысленно намекает на ваше высокое происхождение. А посему ...

Аксельбант-майор Крудо Патато торжественно выпрямился, заложил ладонь (или что-то в этом роде) за отворот лацкана и церемонно объявил госпоже Атлантике:

— ... А посему я буду иметь удовольствие ходатайствовать перед канцелярией Его Величества об оказании вам чести быть представленной нашему светлейшему монарху Сельдерею 18-му в ближайшее время.

— Я не имею никаких возражений на этот счёт, господин Патато, и с радостью приму любое внимание ко мне со стороны Его Величества, — так же церемонно отвечала селёдка, — но могу ли я, как представитель моей группы, попросить вас уладить все возникшие недоразумения относительно пани Киевлянки, котлеты растительного происхождения, моей подопечной, о которой я могу представить все необходимые рекомендации.

— Мы, конечно же, урегулируем этот вопрос, — благосклонно отвечал майор Патато, — и, я думаю, что решение относительно котлеты, кхм, вегетарианской будет положительное. А теперь позвольте мне удалиться для консультаций с представителем канцелярии Его Величества. Мои подчинённые укажут вашей группе место для размещения в карантинном отделении, вам лично там будет предоставлен почётный угол для особо важных персон.

Карантинное отделение представляло собой обычный закуток неподалёку от игравшей светодиодными красками стенки. За визитёрами надзирал некий сержант Бульба, определённо избежавший картофелечистки, он присматривал на удивление вежливо и даже предлагал гостям освежающий спрей для бодрости. Кроме беглянок в отделении находилось ещё несколько довольно колоритных личностей, например, сидел тщательно закутавшийся в лист салата господин с длинной причёской и пышной чёлкой, подозрительно напоминавшими слегка подрезанные стебельки укропа, несомненно, парик — это был явный нелегал без всяких надежд на допуск, от него так откровенно несло протухшей свиной грудинкой, что животное происхождение задержанного было очевидно. Ожидала решения семейная пара — очень плотный, сухого вида персик и прильнувшая к нему, довольно яркого цвета, но мягкотелая и худая слива, а возможно, алыча. Супруги пребывали в абсолютном покое, лишь изредка обмениваясь короткими фразами. Находился хмурого вида полуочищенный, но с нетронутой мякотью банан. Джентльмен с укропной стрижкой, увидев пани Киевлянку, насторожился и с тайным интересом принялся за нею наблюдать. Наконец он не выдержал и обратился к ней:

— Сударыня, мне кажется, что мы с вами уже где-то встречались. Мне знакома ваша фактура.

— Ах, сударь! — Киевлянка зарделась. — Эти ваши намёки сейчас совершенно ни к чему. И ваша внешность мне ни о чём не говорит.

— Не будем о моей внешности.

Укропный джентльмен осторожно посмотрел в сторону сержанта Бульбы, который в этот момент был занят инвентарём и не глядел в их сторону, подсел поближе к пани Киевлянке и заговорил горячим шёпотом.

— Ну что вы! Вспомните! Юбилей великовозрастного повесы. Сервировали стол, наши блюда расположили по соседству, помните? Свиной бок, запечённый в маринаде со специями и переложённый листиками салата с пучками укропа. А вы! Вы были такая яркая, сочная, аппетитная, волнующая! Вас подавали в тыквенном соусе с веточками розмарина. Вы были так эффектны! Так притягательны!

— Дорогуша! Что вам угодно! — руководитель группы, некоторое время с беспокойством наблюдавшая за поползновениями укропного господина, ещё так недавно успешно запечённого в маринаде, решила прервать этот опасный диалог. — Вы в своём уме?! Что вы пристали к моей подопечной как, извините, салатный лист к кочану! У неё сейчас сложный период адаптации, а вы лезете со своими воспоминаниями.

— Нет, я просто хотел выразить...

— Господин Бок, считайте, что вы уже всё выразили. Я попрошу вас удалиться и занять своё прежнее место!

Просьба госпожи Атлантики прозвучала настолько категорично, что укропный господин не мог не повиноваться и, ещё плотнее укутавшись в свой лист салата, удалился.

— Умоляю вас, пани Киевлянка, не ввязываться сейчас ни в какие разговоры! — зашептала котлете госпожа Атлантика. — Это в ваших же интересах. Ваша, так сказать, вегетарианская сущность ещё не подтверждена официально, и вы находитесь в очень шатком положении. Поэтому берегитесь.

— Я буду осторожна, — пролепетала пани Киевлянка слабым, почти обморочным голосом, и было трудно поверить, что это та самая котлета, которая ещё недавно орала и билась в истерику, вызванной образами и ассоциациями Кошачьего Глаза.

Карантинное отделение с благополучным результатом покинула семейная пара «косточковых». Через некоторое время явился конвой и господин Свиной Бок был уведён для депортации. На его место пришёл крайне неусидчивого вида джентльмен, по виду хорошо надкушенный пирожок с капустой. Капустная начинка широкими бунтующими прядями ниспадала с его макушки и придавала ему облик схожий с внешностью пианиста Ференца Листа. И неудивительно, что сержант Бульба обращался к нему как «мистер Лист», намекая конечно на лист капустный, что не умаляло схожести задержанного с портретным образом великого музыканта.

Как только сержант Бульба удалился по служебным делам, мистер Лист сразу же прекратил внутреннюю борьбу со своей неугомонностью. Он вскочил и заметался по всему пространству карантинного отделения, перемежая несколько многословные, но хлёсткие фразы с колкими эпитетами в адрес каких-то «буржуев грубого помола».

— Они отвергли меня! Они растоптали мою преданность общему делу! Они смеют называть меня «кочерыжником»! — восклицал он, обращаясь к стенам учреждения. — Сдали меня властям! Упекли в карантин до самого пришествия!

— Простите, а когда у нас пришествие? — перебила его метания госпожа Атлантика.

— Что? — мистер Лист остановился и медленно очищающимся от мути взглядом уставился на селёдку. — День последний? В будущий четверг.

Следует знать, что обитатели мусорных баков термин «вывоз отходов» заменяют эпитетом «пришествие», имея в виду приезд мусоровоза, подчеркивая значимость, эсхатологичность события для всех обитателей контейнера.

— О! Как много замыслов я мог бы осуществить до следующего четверга, каких важных и нужных дел наворотить! — опять завёл свою шарманку мистер Лист.

— А что вас, собственно, не устраивает? — подал голос наполовину очищенный от кожуры господин, тот самый банан, о котором я упоминал. — Пришествие уравнивает всех, и все ваши важные дела пойдут прахом, то есть, простите, возделанным полем.

— Вы так полагаете? — мистер Лист приостановил свои бега и устался на Недочищенного с напускным удивлением. — Узнаю речи домашнего эксперта. Ваше диванное происхождение не вызывает сомнений. Хорошо! Что ж вы тогда сели? Ложитесь ничком и начинайте разлагаться, смердеть! Всё равно ведь грядёт пришествие! Зачем существовать?! Зачем мыслить?!

— Дорогуша, успокойтесь. Здесь находятся дамы, и им может быть неприятен ваш ажиотаж по какому-то туманному, непонятному остальным, поводу. У всех присутствующих есть нерешённые на данный момент проблемы, но зачем же стулья ломать? — голос госпожи Атлантики звучал мягко, но очень убедительно.

— Стулья? При чём тут стулья? — мистер Лист всем телом повернулся к селёдке.

— Я выразилась образно, — пояснила Атлантика.

— Ах! Гляньте! Образная какая! — мистер Лист приблизился к собеседнице, речь его до предела наполнилась иронией самой крепкой выдержки. — А почему, сударыня, позвольте вас спросить, вы уселись в почётном углу для самых важных персон? Что такого приятного вы нашептали аксельбант-майору, что он изволил вас сюда поместить?

— Просто хам! — высказалась за селёдку миссис Вильямс.

— Вот именно! — на свой лад поддержал грушу Недочищенный. — Моя «диванность», милостивый государь, ещё не отрицает моей способности здраво мыслить! Я не видел жизни, я не щупал правды, вы намекаете? Всё, что мне нужно было, я уже увидел и нашупал! Из всех испытаний я вышел очищенным, гм, наполовину. И теперь могу себе позволить иметь суждение, не вставая с дивана!

Встревоженный шумом вернулся сержант Бульба. Он вопросительно посмотрел на мистера Листа, стоявшего посреди помещения со своими всклокоченными прядями, и жестом указал задержанному на место, где тому полагалось находиться. Мистер Лист покорно вернулся в своё притулье и затих. Наведя порядок, сержант Бульба опять исчез.

— Хорошо, допустим, — госпожа Атлантика первой нарушила тяжёлую тишину, которая очень скоро стала тяготить всех присутствующих. — Допустим, я кое-что и сообщила майору Патато. Не нашептала, заметьте, а открыто заявила, что являюсь Сельдью. Да, Сельдью Атлантической! А что уж там нафантазировал после моего сообщения аксельбант-майор, меня не волнует.

— Сельдь, вы сказали? — пришедший в душевное равновесие мистер Лист едва заметно пошевелился. — Это занятно. Вы, как и ваши поделницы, здесь новенькие. Вам всякое невежество, конечно, простительно.

— И на том спасибо, — ещё раз высказалась миссис Вильямс и примолкла.

— Вас, вероятно, приняли за океаническую, ранее неизвестную ветвь царского рода, и сейчас попытаются использовать для укрепления своей неограниченной власти.

— Каким это, интересно, образом? — поинтересовалась селёдка.

— Ну, у вас же есть какие-нибудь связи, какое-то влияние в этой вашей Атлантике?

— Не уверена насчёт влияния, но связи, конечно, остались.

— Этого достаточно, поверьте. Нынешняя диктатура готова цепляться за любую возможность для сохранения своего эфемерного могущества.

— О-о! Теперь я поняла — весь балаган, что мы наблюдали ранее, был посвящён вашим разногласиям с местной властью.

— Не совсем, — мистер Лист вздохнул. — Я так шумно горевал сейчас, потому что меня предали мои же соратники. Они отвергли меня, добились моей изоляции.

— Да что вы! — удивилась госпожа Атлантика. — Я заинтригована.

— Мы тоже заинтригованы, — не очень уверенно заявили «подельницы» госпожи Атлантики.

Господин Недочищенный прервал свою диванную позу и подался телом немного вперёд, и от этого всем показалось, что он также был заинтригован, за компанию.

— И что же такое у нас монарх? — госпожа Атлантика явно умела направить течение беседы в своё русло.

— Монарх? Деспот, самозванец, — небрежно сформулировал мистер Лист.

— Ну-у, — огорчилась ответу селёдка, — это клише.

— Пусть клише. А чего ещё можно ожидать от монарха? Благородных порывов? Самоотречения? Простите за каламбур.

— В целом, конечно, — приняла аргумент селёдка. — Верхушка монархической лестницы — это скучно, это без сюрпризов. А вот ступеньки пониже могут уже содержать интригу.

— Так-так-так! — оживлённо зачастил мистер Лист. — Я рад, что у нас с вами наметилось понимание. — Интрига действительно начинается буквально со второй ступеньки сверху. Соперничающая династия!

— Гениально! — воскликнула селёдка. — И эти тоже самозванцы?

— Да все они... Династия «Крестоцветов». Заправляет у них орден «Цветной Капусты». Формально к ордену примыкает группировка «Брюссельских», таких же кочерыжников, но с более мелкими целями и задачами. Есть ещё клан «Брокколи», вот с этими связываться я не советую никому — мафия в чистом виде, уголовщина: незаконный оборот фертилизаторов, простите мой жаргон, нелегальный траффик пепперони и пармезана. «Крестоцветы» реально претендуют на престол. Орден предпринимал уже не одну попытку Цветного переворота, но пока всё завершалось для Сельдереев благополучно. Однако я подозреваю, что в будущую среду Крестоцветы смогут получить поддержку извне, — говорят, на близлежащем складе подгнило два ящика брюссельской, и тогда...

— В среду, вы сказали? За день до пришествия? Не поздно ли?

— Это никогда не поздно. Для верхушки главное, взойдя на престол, успеть произнести: «После меня хоть потоп». И немедленно наступает опьянение властью, могуществом, сродни наркотическому. Что будет дальше — потоп или пришествие — уже не важно.

— Вы очень уверенно ранее заявляли нам, «новеньким», о нашем невежестве, — с какой-то мстительностью в голосе обратилась к мистеру Листу селёдка, — но хочу вас заверить, что невежество наше тает на глазах и суть ваших разногласий с соратниками мне почти понятна.

— Ах, вы уже до самой сути добрались? Что-то быстро! — мистер Лист опять вернулся к своей излюбленной иронии. — Так расскажите мне тогда о моих проблемах! Я изнемогаю от нетерпения.

— Ваши «проблемы», дорогуша, мельтешат у меня перед глазами уже битый час. Извините за прямоту. Вы же чистейшей воды «крестоцвет» по своему содержанию! Извините за каламбур. Испекая вашу плоть, вас начинили отборной капустой! И подобно тому, как меня здесь так запросто причислили к «океанической ветви королевского рода», вас, вероятно, ваши соратники (не имею чести) с такой же лёгкостью заподозрили в связях с соперничающей династией, учитывая вашу внутреннюю сущность.

— М-да, — мистер Лист помрачнел. — К сожалению, вы правы. Соратники мои из коалиции Злаков, Хлебобулочных и Выпечки действительно обвинили меня в симпатиях к монархической оппозиции, к этим кочерыжникам.

— И коалиция ваша, конечно, выступает за демократию.

— Именно так! Поймите, под нами полторы тонны придавленной обстоятельствами, недовольной условиями биомассы. И эта масса уже ропщет по ночам. Пусть вас не обманывает тишина — она временна, в самые глухие часы вы сможете услышать от низов много нелестного и дерзкого. Просто нужно прислушиваться. Вы должны понять, что только мы, коа-

лиция Хлебобулочных, способны услышать эти стоны, именно мы стоим за парламентаризм и глубинную демократию, демократию низов.

— Демократия низов, вы сказали? — Селёдка кашлянула. — Дорогуша, насчёт низов и прочего. Сейчас прозвучит очень циничная мысль, но вы не задумывались над тем, что, когда содержимое, кхм, Контини опустошается в мусоровоз, всё летит вверх дном, низы становятся верхами, а верхи низами? И тогда уже никого не волнует, кто что не может, а кто чего не хочет. Совершается в прямом смысле переворот без всяких предпосылок.

— Боже! Откуда вам это известно?

— Я по воле обстоятельств пережила не одно пришествие и могу поручиться, что именно так всё и происходит.

— Но это же хаос!

— Хаос, вы полагаете? Я думаю, что это в какой-то мере переход к новому циклу, возврат системы к исходному балансу, начальным равным условиям...

Собеседников прервало появление майора Патато в сопровождении сержанта Бульбы. Майор, первым делом поворотившись к «почётному углу», в котором располагалась Сельдь Атлантическая, изысканно поклонился. Вступительная часть его визита содержала официальное заявление:

— Решением канцелярии Его Величества и на основе высочайшего соизволения...

Парадная речь майора была очень длинна и пространна, нудна и монотонна. Выяснилось, что король Сельдерея 18-й пожелал-таки в ближайшее время видеть селёдку и беседовать с ней. Только и всего, а сколько слов, сколько абзацев было истрачено! Когда Патато наконец завершил свою высокопарную декламацию, облегчённо вздохнул весь карантин, включая сержанта Бульбу.

— Это была церемониальная часть моего визита, — сообщил майор. — Теперь о деталях рассмотрения прошений лично от вас, госпожа Атлантика, и членов вашей группы, простите, свиты.

— Мы не подавали никаких прошений, — вставила миссис Вильямс.

— Не имеет значения, — пояснил Патато. — Любая особа, заброшенная на территорию Контини-де-Компостело, по самому факту своего успешного падения и приземления считается просителем статуса обитателя. Прощения ваши рассмотрены и удовлетворены. Отныне вы свободны в ваших намерениях, а также можете следовать куда вздумается и заниматься любым видом деятельности, не запрещённым законодательством нашей суверенной территории.

— Благодарю вас, господин майор, — селёдка поклонилась.

Она жестом призвала всех членов группы приблизиться к ней и встать рядом.

— Что касается вашего визита к Его Величеству, то... — Майор сделал многозначительную паузу и при этом медленно с остановками двинулся вдоль фронта образовавшейся шеренги, задерживая внимательный взгляд на каждом из членов группы.

— ...Вы, госпожа Атлантика, приглашены на аудиенцию вместе со своей свитой. Однако...

Майор остановился напротив пани Киевлянки и одарил её особенно пронизательным взглядом.

— ...Однако, что касается котлеты — на время визита остальных ей предлагается тур по памятным местам Контини-де-Компостело в сопровождении опытного гида-экскурсовода. В канцелярии Его Величества ни на минуту не усомнились в растительном происхождении пани Киевлянки, но посчитали её присутствие в качестве члена свиты преждевременным. Кроме того...

Патато приблизился к госпоже Приме и в очень изысканных выражениях попросил даму повернуться к нему задом (ввиду крайнего многословия, необходимого в данной ситуации, полный текст его просьбы я здесь не привожу).

— Относительно госпожи Примы и её великолепных очертаний...

Майор обвёл горбушкины изгибы чисто мужским взглядом.

— ...Она будет допущена к аудиенции при условии, что вот этот вот слой (обратите внимание) животного масла на её тыльной стороне будет удалён. Замасленную сторону следует отскоблить, оттереть, отмыть, отстирать, отжать, вытравить, выпарить, выбелить, высушить — или же сделать для очистки что-либо ещё по вашему усмотрению.

Последняя благополучная развязка — это уже заслуга не четверга. Четверг испарился давно и окончательно. Новые часы и дни, вероятно, принесут новые исходы — удачные или нет, покажет время. Майора Патато после его визита в карантин часто стали замечать довольно пристрасно беседующим с госпожой Примой, которая в разговорах осмеливалась называть собеседника Крудиком. Учítывая, что госпожа Прима по своей сути и статусу явно была отрезанный ломоть, общественность эти контакты сильно удивили. Однако у майора Патато был совершенно иной взгляд на статус своей новой собеседницы, поэтому госпожа Прима, несомненно, получила большое удовольствие от общения с таким галантным кавалером, каковым являлся майор Патато. О чём они так увлечённо беседовали? Трудно сказать, но иногда у ладно отрезанной горбушки и слегка очищенного, неправильной формы картофельного клубня может быть много общего. Они по счастливой случайности могут оказаться двумя половинками некоего единого и прекрасного целого. Впрочем, я обязательно подслушаю разговор Крудика с Примой и, если найду в их беседе хоть что-нибудь занятное, обязательно расскажу вам.

I II

Королю Сельдерею 18-му на ум постоянно приходили совершенно неординарные мысли. Но если б только мысли. Там же, в тех же недрах королевского сознания, довольно часто рождались абсолютно крылатые фразы. Его ассистент, мускулистого вида корнеплод, был вынужден постоянно записывать озвученные королём изречения ввиду их исключительной ценности для будущих поколений.

В самый разгар утреннего моциона разум Его Величества породил такой оборот: «Я мыслю, а значит, благоухаю». Что бы это могло значить? Не уверен, но Сельдерею 18-й точно был очень высокого мнения о том амбре, которое источала его королевская плоть. Или вот ещё мудрость, которую Его Величество также явил миру за пять минут до «мыслеблагоухания»: «Мы ответственны за тех, кого пощадили». Непонятно, зачем Сельдерею 18-му понадобился такой груз ответственности? Ведь подобное изречение выгодно только для особ из разряда беспощадных. Предположим, что Его Величество именно таковым и являлся — строгим и безжалостным.

Впрочем, в это утро строгость Сельдерея 18-го ненадолго отступила, взяла паузу в тот момент, когда ему была представлена Сельдь Атлантическая со свитой. И все очень скоро и хорошо заметили, что король был гостьей весьма заинтригован. Начало беседы, естественно, принадлежало монарху.

— Госпожа Атлантика, мне сообщили (здесь везде уши), что вы пережили не одно пришествие, — король изобразил восторг. — Следовательно, вы наделены особым умом. Поэтому оставим лишние церемонии, поговорим запросто, по-свойски.

— Ум — это сильно сказано, Ваше Величество. Скорее опыт, — селёдка поклонилась.

Король выразительно посмотрел на окружавшую его толпу, давая всем понять, что сейчас будет тет-а-тет. Свита с поклоном отдалилась, и даже корнеплод, хмыкнув, отступил.

— Я вышел из низов, представьте, — оставшись наедине с гостьей, разоткровенничался Сельдерею. — Восемнадцатый я или сто восемнадцатый — неизвестно. Если сельдерею покупают — значит, это кому-нибудь нужно. Если от сельдерея избавляются, значит, в этом есть какой-нибудь высокий смысл сродни судьбе... Я попал в Контину одним из первых, но благо-

даря моим талантам, моей неотразимой внешности, моей харизме и моей способности возвыситься над толпой...

— А также благодаря умению ходить по макушкам, вы имеете в виду?

— И этому тоже в какой-то мере, не скрою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.